

«При жизни произведен в классики»

К 120-летию со дня рождения **Вс. Иванова**

«Русская литература — феномен изумительный!» — восклицал Максим Горький, определяя суть отечественной словесности, и как феномен она складывалась из необозримого богатства талантов и неисчислимого многообразия творческих судеб русских писателей, среди которых по праву достойное место занимает яркая фигура выдающегося писателя XX века Всеволода Вячеславовича Иванова.

Вс. Иванов родился в казачьем поселке Лебяжье Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. Волею исторических судеб сегодня эти места — наше «ближнее зарубежье», тогда же безбрежное раздолье киргизских степей входило в понятие российских владений, по границам которых проходила «горькая линия» русского казачества.

Отец писателя был личностью незаурядной, постоянно обуреваемой страстями и увлечениями, а заботе о благосостоянии семьи отношения не имеющими. Выпускник Лазаревского пединститута восточных языков, он знал арабский, французский, семь сибирских языков, читал философские книги, жил в перманентном погружении в какую-нибудь завлекательную идею — надежду на удачу в археологических раскопках, поисках клада, разработке алебастровых залежей, создании международного банка в уезде Павлодаре, и часто неблагодарный труд по содержанию семьи брала на себя его неграмотная и трудолюбивая жена, которая, судя по автобиографической книге Вс. Иванова «Похождения факира», годами «мучилась по чужим людям».

Яркая одаренность, мятежно-авантюрный дух отца и беззаветное трудолюбие матери генетически отозвались в творческой природе Всеволода, именем же отца — Вячеслав — он назвал своего сына, ныне филолога с мировым именем, о рождении которого известил читателя в романе конца 20-х годов «У».

После начальной школы Вс. Иванов поступил в Павлодарское сельскохозяйственное училище, но решительно прервав учебу в нем и покинув отчий дом, навсегда избрал путь самостоятельных поисков жизненной доли: открылась целая полоса скитальчества, походов, странствий. «Мне в жизни пришлось многое испытать», — признавался он позднее. — Я и в балагане работал, факиром был, актером, пьесы за Шекспира сочинял... И подручным у торговца работал. Возили в степь галантерею и меняли на масло. И просто бродяжить приходилось. Голодно, но весело. Все испытать и пришел к выводу, что для писателя такая жизнь необходима».

Не случайно с юных лет не расставался Вс. Иванов с клеенчатой тетрадкой, куда заносил все важное, редкое, интересное, что могло пригодиться позднее. И ни при каких невзгодах или, наоборот, случайном везении, шальной удаче не

покидало его убеждение в несводимости жизни к целям внешнего благосостояния: неостановимым было желание самостоятельно добраться до понимания скрытого смысла жизни, ее истинности и подлинного счастья. Так возник в юном сознании образ далекой и таинственной Индии как обетованной страны открывающихся тайн, где живут факиры, достигшие сокровенного знания о мире и человеке, физического и внутреннего совершенства. Так формировался образ идеального поведения в реальной жизни — приблизиться к примеру факирского существования, ибо факир честен, неподкупен, не поддается соблазнам, умеет управлять собой, и поистине факирской, чудодейственной силой таланта оказалась питана его главная автобиографическая книга «Похождения факира» (1934).

Она появилась в контексте многочисленных художественных биографий, навевных горьковской трилогией «Детство», «В людях», «Мои университеты» и созданных иногда не без личного воздействия великого писателя («Мое поколение» Б. Горбатова, «Моя жизнь» С. Подъячева, «Жизнь моя» А. Чапыгина и др.) Книгу Вс. Иванова тоже пытались читать в свете горьковской школы и, убеждаясь в несоответствии ей, подвергали критике. Природная неподдельность художественного дара Вс. Иванова невольно оборачивалась полемикой с устоявшимся в советской литературе каноном биографического жанра. Строгому реализму горьковской традиции с неукоснительным обличением «свинцовых мерзостей русской жизни» в «Похождениях факира» противостоял бурный поток бытия в неисчислимом богатстве человеческих судеб, характеров, типов, где торжествуют не только косная среда, тяжкие условия и неодолимые обстоятельства, но и сила человеческого самостояния, индивидуальная воля к самоопределению, где есть место чуду, волшебству, эксцентрике, игре, театру, цирку и где жизнь предстает скорее как человеческая комедия, чем как устойчивый подмосток классовой борьбы, где сложный спектр сарказма, юмора, иронии корректирует стремление героя обрести истину путем упования на готовую «систему», что и делает поход в Индию нескончаемым странствием всей жизни.

Лучшего пути в обетованную страну надежд, мечты, обретения истины и личностной самореализации, чем литература, Вс. Иванов не нашел. Первыми шагами по писательской стезе были публикации в местной прессе — газетах Кургана, Петропавловска, Омска. Пробой пера стали эскизы, сценки, зарисовки, записки казахского фольклора. Оказавшись в Омске, Вс. Иванов и сам предпринимает попытку организовать издание литературной газеты «Согры» и здесь же тиражом в 30 экземпляров собственноручно набирает сборник рассказов «Рогульки» под псевдонимом Вс. Тараканов. Отмеченные зримой талантливостью рассказы, посланные на высший суд Горькому, получили его безусловное одобрение — «Мы так не начинали!», и два из них — «На Иртыше» и «Дед Антон» были напечатаны в «Сборнике пролетарских писателей» (1917). Когда в 1921 году при поддержке Горького Вс. Иванов переехал из Сибири в Петроград, он уже был далеко не «начинающим» писателем: за плечами стоял богатейший во всех отношениях опыт — и практического познания народной жизни далекого края, и упорного самообразования, и разных форм литературной работы, и причастности к революционным событиям. «Алеутская внешность» сибиряка не помешала столичным собратьям разглядеть его творческую и духовную неподдельность. Он во-

шел в литературное объединение «Серапионовы братья», и дружба с некоторыми из них — Б. Шкловским, К. Фединым, В. Кавериним и др. сохранилась на всю жизнь.

Началась долгая и плодотворная работа в большой литературе, предельно расширился читательский мир, возможность появляться не только в российской, но и зарубежной печати, публиковаться в главном журнале страны. Примечательно, что первый номер первого толстого журнала новой России «Красная новь» открывается повестью Вс. Иванова «Партизаны». Не просто признание, а настоящая слава пришла к Вс. Иванову после того, как в начале 20-х годов вышла его партизанская трилогия — «Партизаны», «Цветные ветра», «Бронепоезд 14-69», а через некоторое время роман «Голубые пески» (1923). Молодая советская литература наполнилась богатым колоритом сибирской истории, вздыбленной революцией нови, многообразием природных ландшафтов сибирской тайги, степей, гор, невиданным своеобразием лиц и судеб. В цикле партизанских произведений писатель воспроизвел тот короткий период российской истории, когда народный мир стоял на пороге революционных ожиданий и был исполнен бестрепетной веры в скорое и беспрепятственное наступление счастливой жизни.

Однако и сквозь празднично-романтический колорит картины рождения нового мира проглядывает неустанное желание автора прорваться к подлинности жизни: внимание писателя оказалось сосредоточенным не столько на перипетиях классовой борьбы, сколько на непостижимой сложности внутреннего мира простого человека. Даже будучи бойцами одного стана, его герои не выстроены в ровный ряд, они спорят, сталкиваются мнениями и мучительно, выходя за пределы мысли о собственном хозяйстве, ищут общую «правду». И хотя «мозги слушались плохо, и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючок из глотки попавшейся рыбы», природно-нутряное чутье подсказывает верный путь к истине. Она не в борьбе до обоюдного уничтожения, не в проповеди социальной непримиримости. И если один прямо твердит: «Воевать надо! Буржуев бить надо!», то другой убежден: «Любовь надо люду. Без добра не проживут... Без любви вечно воевать будут. Нельзя так!»

С переездом в Петроград, а затем в Москву неизмеримо возрастает творческая продуктивность. И читателей, и собратьев по перу писатель не перестает изумлять интенсивностью творческого движения. Непрерывной чередой выходят в свет рассказы и повести, объединяемые в сборники, обретающие звучание художественной цельности: «Седьмой берег» (1922), «Экзотические рассказы» (1925), «Дыхание пустыни», «Тайное тайных» (1926). Становится очевидно — в новой литературе России появились новеллист, сравнимый с лучшими именами мировой литературы.

Известный критик В. Львов-Рогачевский назовет его «новым Горьким», а сам классик сравнит с Буниным. Нравственный девиз «Нельзя так!» писатель выверяет созданием произведений, бесстрашно обнажающих кричащие противоречия. Ярким примером служит рассказ «Дите» (1921), которым искренне и глубоко восхищался С. Есенин: «Ты даже Европу пронял, американцев и тех покорил!»

В судьбе беспомощного человеческого существа тугим узлом сплелись неразрешимые проблемы классовой и общечеловеческой морали, жалости и долга, отпущения и прощения, скорого суда и оглядки на Вечность. Буквально озве-

ревшие от тяжести переходов по монгольской степи, где «камень — зверь, вода — зверь, даже бабочка и та норовит укусить», ожесточенные давней оторванностью от дома, кипящие жаждой мести врагу за невосполнимые потери в кровопролитных боях партизаны оказываются в конечном счете способны возвыситься над классовой ненавистью до притчевого исхода своих сомнений: «Отец-то, скажем, буржуй, а дите — как? Невинно».

Однако подлинной глубины правды о революции по выходе рассказа в свет не заметили или предпочли не заметить: белогвардейского ребенка партизаны спасли, так сказать сделали сыном отряда, но спасли ценою жизни другого ребенка, оторванного от груди киргизской матери и безжалостно оставленного в степи на верную погибель.

Бесстрашно и последовательно писатель утверждал, что принцип оправдания революции любой ценой преступен. Главный герой повести «Возвращение Будды» (1923) тревожно вопрошает: «Будет ли что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре. Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут вешать, расстреливать коммунистов... Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше... Для чего нам даны сердца?»

В начале 20-х годов в советской литературе еще возможно было появление таких произведений, как повести Л. Леонова «Конец мелкого человека» или «Возвращение Будды» Вс. Иванова. Но с течением времени возрастала бдительность цензуры, крепчало неистовство критики. Показательным примером идеологической осады явился цикл произведений, собранных в книге 1926 г. «Тайное тайных». В нее вошли произведения («Жизнь Смокотинина», «Полынья», «Ночь», «Поле», «Плодородие»), ранее уже публиковавшиеся в «Красной нови» и многих других изданиях, но собранные воедино, они предстали в такой полноте и цельности художественной концепции автора, не отозваться на которую критика не могла. По существу поэтико-смысловой концепт «тайное тайных» не был особенностью только этой книги, а входил к «факирской» природе творческого дара писателя.

Соприкоснувшись с войной и революцией, герои его рассказов с наступлением мирной жизни удивляют своей неспособностью жить «по-человечески», выстраивать нормальные отношения. Деструктивная стихия революции отозвалась разрушением их личности. Ключевой, задающей эмоционально-смысловой тон всей книге «Тайное тайных» является начальная фраза ее первого рассказа «Жизнь Смокотинина»: «Когда, впервые после долгих войн, пришли в деревню плотники рубить богатому мужику Афиногенову вместо сгоревшей новую избу, — насмешек над ними было много. То кричали, что топоры за революцию иступились, — голов много порубили ими, то — осины им теперь, разучившись, не отличить от сосны»...

Как ни парадоксально, художественный талант писателя и неотразимость воздействия его слова и мысли на общество обусловили высшую меру идеологического внимания к его творчеству ревнителей чистоты и правильности советского искусства, воздвигших непреодолимые препятствия на пути его произведений к читателю. По существу, талантливый писатель оказался выведен из литературного актива, отправлен в почетную ссылку. Ему сохранили имя классика советской литературы, но лишили возможности работать в полную силу.

(Окончание на стр. 10)